

елена
первушина

ВЕЛИКИЕ КНЯГИНИ И КНЯЗЬЯ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

судьбы, тайны,
интриги, любовь и ненависть

Елена Первушина

**Великие княгини и князья семьи
Романовых. Судьбы, тайны,
интриги, любовь и ненависть...**

«Центрполиграф»

2019

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3

Первушина Е. В.

Великие княгини и князья семьи Романовых. Судьбы, тайны, интриги, любовь и ненависть... / Е. В. Первушина — «Центрполиграф», 2019

ISBN 978-5-227-08492-7

Предлагаемая читателю книга, пожалуй, первая, в которой подробно в популярном изложении прослеживаются все родовые связи между членами императорской фамилии Романовых начиная от основателя династии до последнего российского императора. Рассматриваются все ветви разросшейся к началу XX века семьи, куда входили не только Великие князья – дети и внуки последовательно правивших императоров, но и князья императорской крови – как правило, дети детей Великих князей. Книга пред назначена широкому кругу читателей, всем тем, кому интересна история России.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-08492-7

© Первушина Е. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Браки первых Романовых	11
Замужество «государевых племянниц»	21
Первая принцесса-иностранка	24
Тонкая нить наследования	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Елена Первушина
Великие княгини и
князья семьи Романовых
Судьбы, тайны, интриги,
любовь и ненависть...

© Первушина Е. В., 2019

© «Центрполиграф», 2019

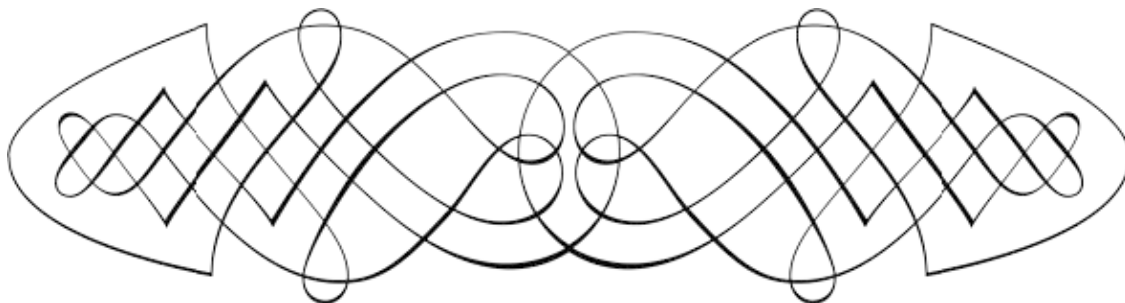
* * *

Предисловие

Вопросы престолонаследия

Когда в 1913 г. Романовы праздновали свое 300-летие, они были уже немолодой, по европейским меркам, династией. Не сравнивая ее, к примеру, с Капетингами, которые правили Францией более 800 лет (среди европейских правящих домов такое долголетие скорее исключение, чем правило), отметим, что великолепные Каролинги были на троне всего 202 года, Плантагенеты правили Британией два с половиной века, сменившие их Ланкастеры и Йорки не дотянули и до ста лет, и меньше полутора веков судьба отвела блистательной династии Тюдоров. Но если мы обратимся к русской истории, то увидим, что род Рюриковичей – сначала князей, а потом московских царей, согласно официальной хронологии, просуществовал 748 лет – начиная с полулегендарного «варяжского» князя Рюрика и кончая Василием Шуйским, представителем суздальской ветви рода, короткое правление которого пришлось на Смутное время. Уже в XIX в. насмешник Алексей Константинович Толстой описал этот период так:

*Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.
Вернулись поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,
Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя как раки
Горюем на мели.
Прямые были страсти —
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далеко не уйдешь.*

Рюриковичей «подкосила» проблема престолонаследия. У царя Ивана Грозного, которого Алексей Толстой характеризует так: «Калач на царстве тертый / И многих жен супруг», было пятеро сыновей, но трое из них умерли в раннем детстве, включая и того маленького царевича Димитрия, чья таинственная гибель в Угличе до сих пор остается одной из неразгаданных тайн русской истории. Другой тайной является судьба второго сына Ивана Грозного. Иван Иванович то ли был убит в ссоре с отцом (эту версию отразил в своей знаменитой кар-

тине Илья Ефимович Репин), то ли умер от болезни в возрасте 27 лет. Он был женат трижды, но детей так и не оставил.

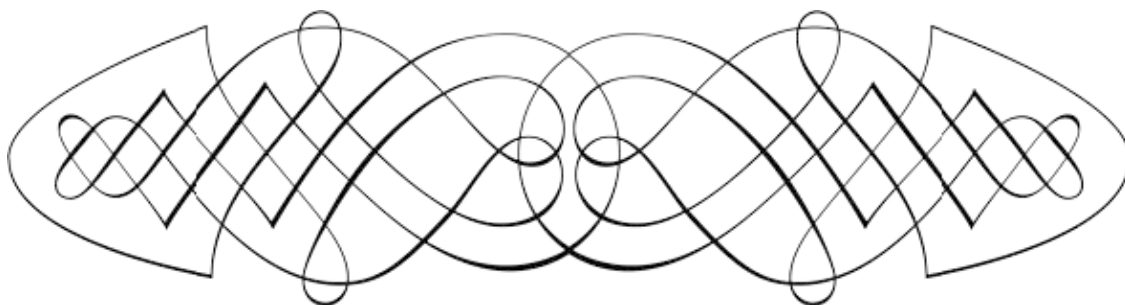
Ивану Грозному наследовал его третий сын, Федор Иванович. Матерью его была Анастасия Романовна Захарына-Юрьева, первая жена царя. Федор женился на Ирине Годуновой, сестре боярина Бориса Годунова. Когда год за годом в семье не рождались дети, Ирину стали обвинять в бесплодии и требовать от Федора, чтобы он развелся с ней, как сделал это когда-то отец Ивана Грозного Василий III, отправивший свою бесплодную жену Соломонию Сабурову в Суздальский монастырь и женившийся на Елене Глинской, которая и стала матерью Ивана Васильевича и бабкой Федора Ивановича. Однако Федор (возможно, впервые в жизни) проявил характер и отказался расставаться с любимой женой. Он воспротивился и приказу Ивана Васильевича при его жизни, и уговорам московских бояр. В результате государство осталось без государя, когда захватившего престол после смерти Федора Бориса Годунова свергли, и пришлось искать наследника в побочной ветви князей Шуйских, но, как нам уже известно, ему не удалось долго удержаться на престоле.

Основатель новой династии Романовых Михаил Федорович приходился двоюродным племянником Федору Ивановичу по матери, и на этом родстве основывались права Романовых на престол. Михаил был очень юным царем и в начале своего правления, по сути дела, «подставной фигурой». Реальная власть принадлежала его отцу Федору Романову, в прошлом – неудачливому сопернику Бориса Годунова в борьбе за царский трон. Именно по приказанию его политического противника Годунова Федора насильственно постригли в монастырь под именем Филарета.

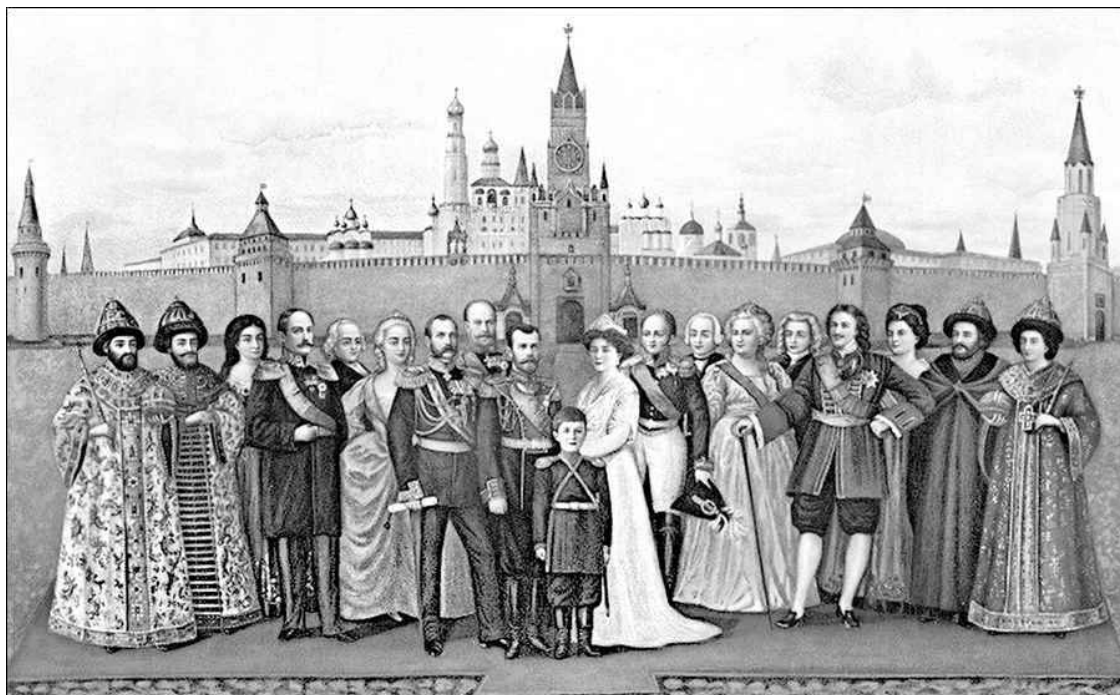
Итак, старая династия прервалась, а новая была основана. Для того чтобы сохранить ее, Филарету требовалась поддержка бояр, но не менее важно было появление в каждом поколении как минимум одного наследника мужского пола, а лучше – двух или трех. Забегая вперед, можно сразу сказать, что вопрос престолонаследия будет стоять остро на всем протяжении XVII и XVIII вв. Политические интриги и высокая детская смертность не раз будут приводить к тому, что судьба новой династии повиснет на волоске. Как же Романовым удалось выжить и удержаться на троне?

Глава 1

В борьбе за наследование

В былые времена Рюриковичи охотно женились на иноземных принцессах и отдавали своих дочерей замуж в правящие дома Европы. Достаточно вспомнить Ярослава Мудрого, который женился на дочери шведского короля Олафа Шетконунга по имени Ингигерда. При крещении в православной церкви она получила имя Ирина. Своих трех дочерей Ярослав выдал также за иноземных владык – Елизавета стала женой норвежского короля Харальда Сурового, который, словно герой рыцарских романов, совершал в ее честь подвиги и писал стихи с рефреном: «А дева в золотой гривне не любит меня»; Анастасия вышла замуж за короля Венгрии Андраша I; и, наконец, младшая дочь, Анна Ярославна, выдана за короля Франции Генриха I. Сын Ярослава Изяслав женился на сестре польского короля Казимира I – Гертруде, Святослав – на австрийской принцессе Оде, дочери графа Леопольда (некоторые из историков считают, что ее мужем был другой сын Ярослава), Всеволод – на греческой царевне (предположительно дочери византийского императора Константина IX Мономаха).

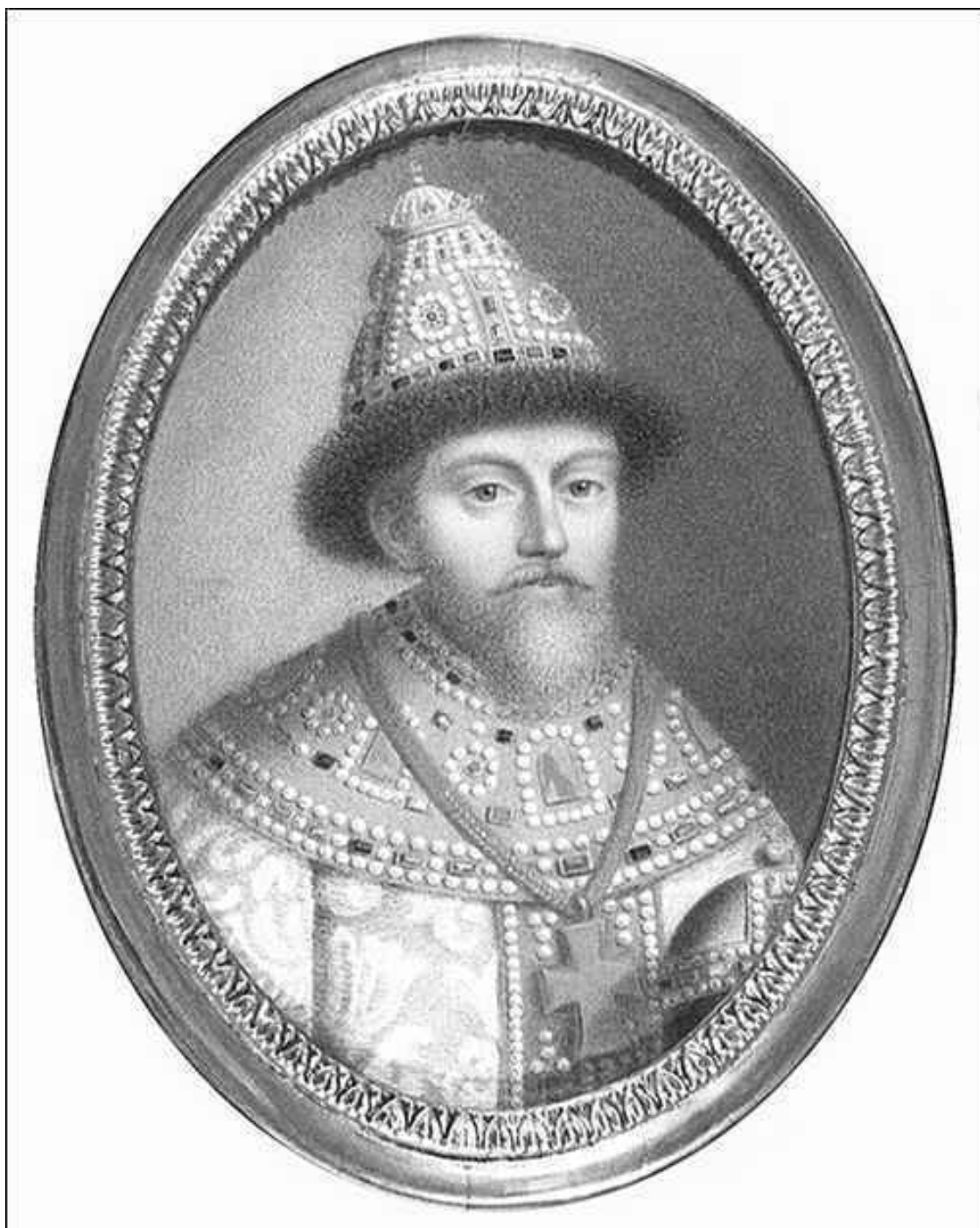
Дом Романовых. Державные созидатели могущества и славы земли Русской

Таким образом, Ярослав стремился создать целую сеть родства, которая захватывала бы Скандинавию, Восточную и Западную Европу. Но после монголо-татарского нашествия уже московские великие князья, а затем цари все чаще делали выбор внутри своего государства. Для царевичей искали невест из боярских домов. Исключения были редки, но знаменательны. Так, Иван III женился на гречанке Софье Палеолог, племяннице последнего императора Византии Константина XI. К тому же он выдавал своих дочерей за иноплеменников: Елена Ивановна стала женой великого князя Литовского и короля Польши Александра Ягеллона, а ее сестра Евдокия вышла замуж за татарского царевича Худай-Кула (Кудайкула), ставшего для этого христианином и принявшего в крещении имя Петра Ибрагимовича. Такие браки указывали на новые политические интересы Московской Руси. Третья же дочь Ивана, Феодосия, в 1500 г. обвенчалась с московским воеводой Василием Даниловичем Холмским.

Браки первых Романовых

Поначалу Романовы придерживались тех же правил – царских сыновей венчали с боярскими дочерьми.

В 1616 г. Михаилу исполнилось 20 лет, и настала пора жениться и для него. Как это было заведено еще при последних Рюриковичах, стали свозить невест из всех уголков его государства. Этот обычай продиктован вовсе не романтическими побуждениями – это политическая игра, прежде всего для боярских родов, определявшая, который из них будет оказывать влияние на царя в ближайшие годы. Молодой царь, вероятно, еще питал какие-то иллюзии относительно своего статуса и захотел сделать выбор сам, но сделал его неправильно.

М.Ф. Романов

Е. Л. Стрешнева

Красавица Мария Хлопова – дочь ничем не примечательного боярина, а Федор Романов и его жена, инокиня Марфа, в свое время так же, как и он, насильно постриженная в монахини и не менее властолюбивая, чем муж, понимали, что им необходима могущественных поддержка московских боярских семей. И Мария, нареченная Анастасией и взятая «наверх» в терем царской невестой, начинает чахнуть. У нее болит желудок, ее постоянно рвет, белки ее глаз пожелтели. Было решено, что девушка «испорчена» и не может стать царской супругой. Марию удалили от двора и отправили в ссылку в Тобольск, где она сразу выздоровела.

Еще меньше повезло девушке, которая все же стала женой Михаила – Марии Долгоруковой. Свадьба состоялась в сентябре 1624 г., а через несколько недель после венчания молодая царица заболела и вскоре скончалась, вероятно, также став жертвой политического соперничества. 5 февраля 1626 г. Михаил венчается с Евдокией Стрешневой. От этого брака родилось десять детей. Старшим сыном и третьим ребенком в семье стал долгожданный наследник Алексей Михайлович.

А. М. Романов

М. И. Милославская

Михаил немного не дожил до 50 и скончался в 1645 г. Алексею Михайловичу исполнилось 16 лет, когда он занял место отца на троне.

В его жизни, как и в жизни его отца, была первая большая и трагическая любовь. Его выбор пал на Евфимию Всеволожскую, дочь небогатого помещика из подмосковного города Касимова. Но этот выбор не устроил царского воспитателя Бориса Морозова, который прочил в жены царю Марию Милославскую, на сестре которой, Анне, женился сам. Русский историк XIX в. Н. И. Костомаров рассказывает, что было дальше: «Царь выбрал Евфимию Федоровну

Всеволожскую, дочь касимовского помещика, но когда ее в первый раз одели в царскую одежду, то женщины затянули ей волосы так крепко, что она, явившись перед царем, упала в обморок. Это приписали падучей болезни. Опала постигла отца невесты за то, что он, как обвиняли его, скрыл болезнь дочери. Его сослали со всею семьею в Тюмень. Впоследствии он был возвращен в свое имение, откуда не имел права куда-либо выезжать». Царской супругой стала Мария.

Н. К. Нарышкина

А впрочем, царь, кажется, все же привязался к своей жене и полюбил ее. Когда она забеременела, он просил митрополита молиться за нее, приписав при этом: «...а какой грех станется, и мне ей-ей пропасть с кручины». Мария родила ему тринадцать детей, но мальчики – царевицы Дмитрий, Алексей, Симон, Федор, Иван – либо умирали в младенчестве, либо вырастали хилыми и болезненными.

Алексей Михайлович и Мария прожили вместе 21 год, царица скончалась от горячки после очередных родов. В то время остались живы четыре сына царя, но маленький Симон умер вскоре после смерти матери. Наследником стал Алексей – живой и смелый мальчик. Но и этому царевицу не суждено было прожить долго: он скончался, не дожив до 15 лет.

Через два года после смерти Марии Алексей Михайлович женился во второй раз, на молодой, красивой и воспитанной в европейском вкусе Наталье Нарышкиной. Им суждено было прожить вместе всего 5 лет, но за это время Наталья родила троих детей – царевицу Петра, царицу Наталью и царевицу Федору, который умер спустя несколько месяцев.

Сам Алексей Михайлович скончался в 1676 г., завещав свое царство старшему из его живых сыновей от первого брака – Федору. В день кончины царя Федору исполнилось 15 лет, второму сыну, Иоанну, – 10, а Петру – всего 4 года.

Федор Алексеевич был болезненным юношей, на похоронах отца он не мог сам идти за гробом, и его несли в кресле. Тем не менее, ему удалось провести ряд реформ, которые, по сути, подготовили Россию к реформаторской деятельности его единокровного брата. К маленьким Иоанну и Петру он относился очень заботливо: именно по его приказу сформировали детские потешные полки, которые позже станут главной опорой юного Петра.

Ф. А. Романов

А еще Федору удалось то, что не удавалось ни его отцу, ни его деду: он женился по любви. Его избранница – Аграфена Грушецкая, наполовину полячка, не принадлежала к знатным родам, а потому бояре, не желавшие этого брака, клеветали на нее и обвиняли в распутстве.

И тем не менее, в отличие от Михаила и Алексея, Федор сумел настоять на своем. В тот год, что он прожил с женой, во дворце завели новые порядки – на пиры больше не пускали гостей в длиннополых кафтанах, царь теперь считал, что они напоминают женские платья, и

предпочитал одежду на польский манер и польские шапки, оставлявшие волосы открытыми. Бороды при Федоре не рубили насильно, а брили, повинувшись диктату новой моды. Но через год молодая царица умерла в родах, а через десять дней скончался и младенец. Федора спешно женили еще раз, но он уже был тяжело болен, и детей во втором браке у него не появилось.

Федор умер в 1682 г., и следующим наследником оказался его младший брат – 15-летний Иоанн, также слабый и болезненный. Меж тем семья Нарышкиных не теряла времени и сколотила боярскую партию вокруг вдовой царицы Натальи и 10-летнего Петра. Распустив слухи о слабоумии Иоанна, они выдвинули на престол своего протеже. Но тут на выручку брату пришла его старшая сестра Софья. Скорее всего, ею двигали не только родственные чувства и не только жажда власти, в которой ее поспешили обвинить, но и простой инстинкт самосохранения: если бы Петр тогда оказался на престоле, Нарышкины поспешили бы отправить Иоанна и всех дочерей Марии Милославской в монастырь.

Царевна Софья

На похоронах Федора, вопреки всем обычаям и приличиям, царевна вышла из терема, приняла участие в погребальном шествии, шагая за катафалком наравне с Петром. И не молчала! Напротив, громко плача, царевна объявила, что царя Федора отравили враги, и молила не губить ее с братом Иоанном, а позволить уехать за границу. Разумеется, бояре тут же принялись уверять царевну и царевича, что никуда их не отпустят и позаботятся об их поправленных правах. Царица Наталья с малолетним царем, не достояв церковной службы, удалились в свои покои.

До сих пор не известно, и, вероятно, никогда не будет точно установлено, кто именно поднял на бунт московских стрельцов – царское войско. Но они взбунтовались, убили брата

царицы Натальи и провозгласили малолетних Иоанна и Петра царями, а Софью – регентшей при них. Такой порядок продлился до совершеннолетия Петра, после чего он сверг Софью и, отправив ее в монастырь, провозгласил себя и Иоанна полноправными царями. Когда Софья снова попыталась воззвать к стрельцам, те отказались ей помогать: отроки уже стали мужчинами и больше не нуждались в «няньке», следовательно, не было никакой причины оставлять Софью регентшей.

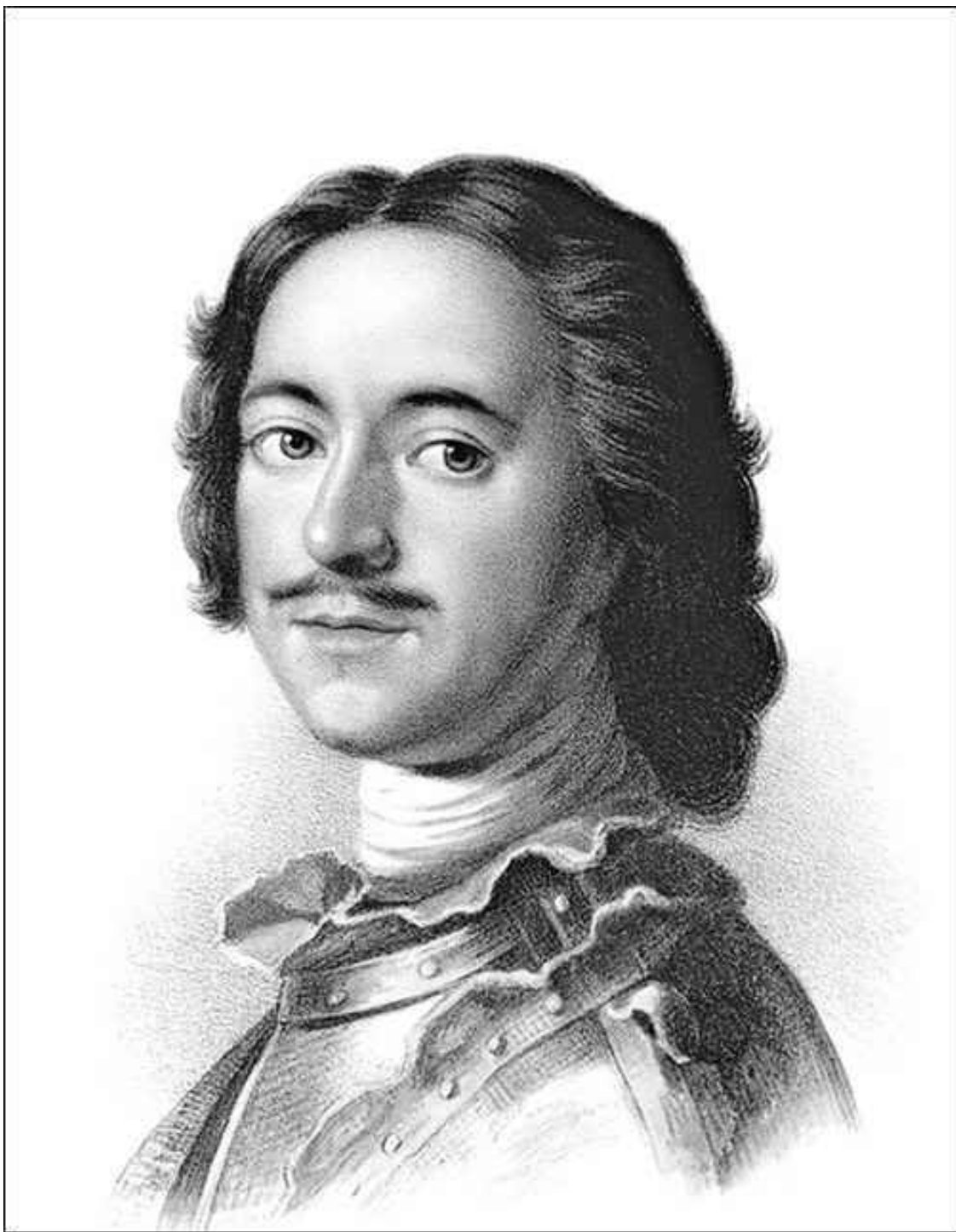
Еще во время своего правления Софья женила Иоанна на Прасковье Федоровне Салтыковой. Однако у царя Ивана и Прасковьи рождались только девочки.

Наталья Кирилловна спешно нашла невесту и для Петра. Ею стала Евдокия Федоровна Лопухина. Свадьбу сыграли в феврале 1689 г. Вскоре молодая царица забеременела и родила сына – царевича Алексея, что еще сильнее укрепило права Петра на престол.

Замужество «государевых племянниц»

Петру удалось переманить Иоанна на свою сторону в борьбе с Софьей. После их победы «старший царь» мирно жил с женой и детьми и умер 30 лет от роду, оставив на попечение Петра трех дочерей – Екатерину, Анну и Прасковью. Петр относился к племянницам по-родственному, но все же с какого-то момента начал их рассматривать как потенциальные фигуры в политической игре. В XVI–XVII вв. московских царевен не выдавали замуж: Россия была закрытым государством, не заключавшим браки с европейскими династиями, а выдать царевну за кого-то из бояр означало дать слишком большой козырь в руки какого-то боярского рода. Обычно царевны жили затворницами в своих теремах и после венчания брата на царство уходили в монастырь, как поступали прежде византийские принцессы.

Но Петр завел новые порядки.

Петр Алексеевич

Старшую сестру, Екатерину, озорницу и резвушку, которую мать ласково звала Свет-Катюшкой, Петр выдал замуж за 38-летнего герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского. Герцог был пьяницей, игроком и грубияном, из-за чего распались уже два его брака. Тем не менее Шверин был морским портом, и, вероятно, именно это обусловило выбор Петра. Вслед за брачным заключили и союзнический договор, позволяющий России размещать войска на севере Германии. Петр I, со своей стороны, обещал герцогу помочь завоевать города Висмар и Варнемюнде, прежде отошедшие от Мекленбурга к Швеции. Для Свет-Катюшки этот брак обернулся полной катастрофой. В 1722 г., не выдержав пьянства и грубостей мужа, она

вместе с дочерью Анной Леопольдовной вернулась в Россию. Формального развода не было, но супруги больше не виделись.

Неудачным оказался и брак Анны Иоанновны. Контроль над Курляндией – еще одним небольшим княжеством на балтийском побережье, частью современной Латвии – должен был помочь России укрепить свои позиции на Балтике. Кроме того, Петра, безусловно, привлекал родственный союз с дядей Фридриха Вильгельма – Фридрихом I, королем Пруссии. В 1701 г. шведы захватили Земгалию, и до 1709 г. Фридрих Вильгельм находился у дяди в Пруссии, то есть не имел никакой власти над своим герцогством. Вернуться ему помог Петр, и поэтому Фридрих Вильгельм чувствовал себя обязанным России. Этот брак помог защитить Курляндию от посягательств на нее Речи Посполитой, но лично Анне не принес ничего: ее жених скончался, едва выехав из Петербурга. По слухам, это произошло из-за неумеренного употребления спиртного на свадьбе. Тем не менее, Петр приказал Анне ехать в Курляндию, где она прожила долгие годы вдовой, жалуясь дяде в письмах на безденежье и притеснения со стороны курляндских родственников. Но в представлениях Петра она «находилась на своем месте», и он не спешил вызывать ее обратно в Россию. И только в русских песнях Анну жалели. В них она со слезами просила Петра:

*Не давай меня, дядюшка,
Царь государь Петр Алексеевич,
В чужую землю нехристианскую,
Бусурманскую.*

Третьей сестре, Прасковье, Петр так и не нашел жениха. Эта, по воспоминаниям современников, некрасивая и болезненная девушка, вероятно, уstraшенная судьбой сестер, решила взять свое замужество в свои руки и тайно обвенчалась с генералом и сенатором Иваном Ильичом Дмитриевым-Мамоновым, потомком ветви рода Рюриковичей, утративших право на трон, человеком умным, храбрым и сумевшим снискать любовь и уважение Петра Великого. Но единственный ребенок, родившийся в этом браке, не прожил долго.

Первая принцесса-иностранка

Едва вернувшись из своего первого заграничного «посольства», Петр приказал Евдокии Лопухиной, своей первой жене, уйти в монастырь. Когда же царица не подчинилась, он заперся с ней в светлице и много часов «убеждал» ее, пока она не смирилась со своей судьбой. Наконец царь приказал отправить Евдокию в Суздаль, в женский монастырь, где ее постригли под именем инокини Елены. Это не первый случай, когда неугодную царицу отправляли в монастырь (двумя веками раньше в тот же Суздаль отправилась то ли добровольно, то ли по принуждению Соломония Сабурова), но прежде причиной «увольнения» царицы всегда было бесплодие. Петр же расстался с первой женой и матерью его сына просто потому, что она ему опостылела, а сам он собирался жениться на своей любовнице из немецкой слободы Анне Монс. Царица же Евдокия носила монашеское платье от силы неделю, а потом появлялась на богослужениях только в мирском и истинно царском облачении. Воспитание маленького царевича Петр поручил своей любимой сестре Наталье и перевез всю свою семью в новую, еще недостроенную столицу.

Е. Ф. Лопухина

Подросшему царевичу Алексею Петр сосватал 16-летнюю Шарлотту Брауншвейг-Вольфенбюттельскую, лютеранку по вероисповеданию, дочь герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского Людвига Рудольфа, владевшего городом Бланкенбургом.

Принцесса Шарлотта и ее сестры, Елизавета Христина и Антуанетта Амалия, росли в Зальцдалене и Вольфенбюттеле, у своего деда, герцога Антона Ульриха, человека хорошо образованного и просвещенного, и часто бывали при дворе Августа II Саксонского, супруга которого Кристиана Эбергардина Бранденбург-Байрейтская приходилась им теткой. Август в то время являлся польским королем и союзником России в Северной войне. Ее родная сестра – Елизавета Христина – была замужем за младшим братом императора Священной Римской империи, который вскоре унаследовал титул и стал императором Карлом VI. Петр давно замыс-

лил войну с Османской империей за выход к Черному морю, и брак его сына мог послужить хорошей основой для союза с Австрией – давним противником турок. С другой стороны, Алексей в то время был официальным наследником Петра, и возможность видеть Софию Шарлотту на русском троне не могла не привлекать ее родителей и более далеких венценосных родственников. И хотя при первой встрече Алексей не понравился будущей невесте, ее мнение не приняли во внимание ни ее отец, ни ее дядя, ни будущий тесть.

Царевна Наталья Алексеевна

Автор статьи в «Русском биографическом словаре» Половцова, посвященной Шарлотте, справедливо замечает: «В то время почти все принцессы из владетельных домов не выходили замуж по собственному влечению: интересы целого дома были выше интересов его членов, и

каждая принцесса, даже из самого незначительного владетельного дома, выдавалась так, чтобы это было выгодно ее дому. Шарлотта также не избежала общей участи, и очень скоро глава Вольфенбюттельского дома, герцог Антон Ульрих, начал подыскивать для нее выгодного жениха. В то же самое время и Петр Великий искал невесты для своего сына, царевича Алексея. Один из его приближенных, дипломатический агент Петра за границей барон Гюйссен, предложил царю женить царевича на Бланкенбургской принцессе. Царь выразил свое согласие на этот брак, и барон Гюйссен начал переговоры с родственниками Шарлотты».

Меж тем, принцесса еще надеялась, что женой Алексея станет не она, а ее сестра, и писала деду: «Ваше письмо дает мне некоторую возможность думать, что московское сватовство меня еще, может быть, минует». Но надежде этой не суждено было сбыться. Петр одержал решительную победу в Полтавской битве, и герцог Антон Ульрих оставил всякие сомнения, решив выдать свою внучку за русского царевича.

* * *

В 1709 г., в сопровождении Александра Головкина и князя Юрия Трубецкого, царевича отправили в Дрезден для дальнейшего обучения немецкому и французскому языкам, геометрии, фортификации и «политическим делам». В Шлакенверте весной 1710 г. увиделся со своей невестой. К тому времени Шарлотта, по словам знаменитого Лейбница, «была так хорошо вразумлена, что приняла честь, которую ей предназначали». Очевидно, «вразумлен» был и Алексей, к тому времени получивший уже несколько серьезных «разносов» от Петра и боявшийся лишний раз ему возражать. «Шарлотта, – писал он в Россию своему духовнику Якову Игнатьеву, – человек добр, и лучше ее здесь не сыскать».

Царевич Алексей

Примирилась с этим браком и принцесса. «Моя дочь Шарлотта, – писала мать невесты Христина-Луиза одному из дворян, устраивавших свадьбы с «немецкой стороны», – уверяет меня, что царевич очень переменялся в свою пользу, что он очень умен, что у него самые приятные манеры, что он благороден, что она считает себя счастливой и очень польщена честью, которую царевич и царь оказали ей своим выбором».

Через год, 11 апреля, подписали контракт о бракосочетании, 19 апреля царь утвердил проект брачного договора, который состоял из 17 статей. Дед принцессы и ее родители, согласно договору, ручались за нее, что она будет всегда следовать за своим супругом и относиться к нему «со всяким должным почтением, верностью и любовью». Одновременно будущие сыновья Софии Шарлотты лишались права наследовать земли в Брауншвейге.

Свадьба – это всегда не только политическая акция, но и экономический договор: Петр I обязался оплатить переезд принцессы и ее двора, снабдить принцессу «посудами и протчими к столу надлежащими», конюшней и к ней «потребные экипажи устроить». На содержание двора, на стол и конюшни принцессы Петр обещал ежегодно выделять 100 тысяч талеров, но позже, в связи с продолжавшейся войной со Швецией, урезал эту статью ровно наполовину, в дальнейшем обязуясь возместить недоданное.

София Шарлотта

Для заключения договора 30 апреля царевич прибыл в Вольфенбюттель. Вскоре он написал отцу, что столкнулся с некоторыми трудностями: «По указу, государь, твоему о деньгах повсегодной дачи невесты моей зело я домогался, чтоб было сорок тысяч, и они сего не соиз-

волили и просили больше; только я как мог старался и не мог их на то привести, чтоб взяли меньше 50 000, и я по указу твоему в том же письме, буде она не похотят сорока тысяч, позволил до пятидесяти, на сие их склонил с великой трудностию, чтоб взяли 50 000, и о сем довольны, и сие число вписал я в порожнее место в трактате; а что по смерти моей она не похочет жить в государстве нашем, дать меньше дачу, на сие они весьма не похотели и просили, чтоб быть равной даче по смерти моей, как в Москве, так и в выезде из нашего государства, о чем я много старался, чтоб столько не просили, и, однакож, не смог сделать и по указу твоему (буде они за сие заупрямятся, написать ровную дачу) и в трактате написал ровную дачу и, сие учиняя, подписал я, тоже и они своими руками разменялись, и тако сие с помощью Божией окончили».

Поскольку обеим сторонам очень хотелось заключить этот договор, они легко пошли на уступки. Договор был подписан, а иностранные дипломаты сообщали, что между царевичем и его невестой «большое согласие и сердечное влечение».

Свадьбу пышно отпраздновали 13 октября 1711 г. в Торгау.

* * *

Когда новость об этом дошла до России, то многих известие о браке царевича с иноземкой и иноверкой шокировало. Английский посланник Витворт сообщал своему Двору из Москвы 6 декабря 1711 г.: «Здесь несколько дней стреляли из пушек и происходили празднества и фейерверки по поводу свершившегося бракосочетания царевича-наследника, хотя брак этот очень не по сердцу народу. Он втихомолку ропщет и не может скрыть своего недовольства по поводу вероисповедания новобрачной». А младший брат ганноверского курфюрста герцог Эрнст Август писал: «Верно то, что царевна весьма несчастна. Некоторые даже говорят, что, если у нее не будет детей, россияне вправе заключить ее в монастырь, если не поступить с нею еще хуже».

Что касается самого Алексея, то, по-видимому, он очень гордился таким брачным союзом. Вот какой эпизод, относящийся к 1712 г., приводит в своей книге советский и российский историк петровской эпохи Н. И. Павленко: «Однажды во время устроенного Меншиковым обеда, на котором присутствовали офицеры дислоцированной в Померании армии, в том числе и царевич Алексей Петрович, зашел разговор о дворе Шарлотты. Меншиков отозвался о нем самым нелестным образом: по его мнению, двор был укомплектован грубыми, невежественными и неприятными людьми. Князь выразил удивление, как может царевич терпеть таких людей. Царевич встал на защиту супруги: раз она держит своих слуг, значит, довольна ими, а это дает основание быть довольным ими и ему. Завязалась перепалка. Меншиков возразил: „Ты слеп к своей жене, она тщеславна“. Царевич воскликнул в ответ: „Знаешь ли ты, кто моя жена, и помнишь ли ты разницу между ней и тобой?!“. Меншиков: „Я это хорошо знаю, но помнишь ли ты, кто я?“. Царевич: „Конечно, ты был ничем, и по милости моего отца ты стал тем, что ты есть“. Меншиков: „Я твой попечитель, и тебе не следует со мною так говорить“. Царевич: „Ты был моим попечителем, теперь уже ты не мой попечитель, я сам умею позаботиться о себе, но скажи мне, что у тебя против моей жены?“. Меншиков: „Что у меня против нее: она высокомерная немка, и все оттого, что она в родстве с императором, но от этого родства ей, впрочем, будет мало проку, а во-вторых, она тебя не любит, и она права в этом, ибо ты обращаешься с ней очень дурно; кроме того, ты своим видом не можешь возбудить любви“. Царевич: „Кто сказал, что она меня не любит? Я очень хорошо знаю, что это неправда, я ею очень доволен и убежден, что и она мною довольна. Да сохранит Господь ей жизнь, я буду с нею очень счастлив“. Меншиков: „Я своими глазами убедился в противном, она тебя не любит. Плакала она, когда ты уезжал, от досады, видя, что ты ее не любишь, а нисколько не от любви к тебе“. Царевич: „Не стоил ты того, чтобы на нее смотреть; ее нрав очень кроток, и хотя она не моей веры,

должен, однако, сознаться, что она очень благочестива; что она меня любит, в этом я уверен, ибо ради меня она все покинула, и в том тоже я уверен, что она честна; впрочем, неудивительно, что ты так говоришь, ибо ты судишь об имперских княжнах по тем, которые у нас, и особенно по твоей родне, которая никуда не годится, так же, как и твоя Варвара (свояченица Меншикова. – Е. П.). У тебя змеиный язык, и поведение твое беспардонно. Я надеюсь, что ты скоро попадешь в Сибирь за твои клеветы; моя жена честна, и кто впредь мне станет говорить что-нибудь против нее, того я буду считать отъявленным врагом“. Царевич велел наполнить бокалы, выпили за здоровье кронпринцессы, и все офицеры бросились к ногам царевича».

* * *

Поначалу принцесса, как послушная девочка, тоже писала своей матери восторженные письма о том, как она довольна своей судьбой.

«Я нежно люблю царевича, моего супруга, – „отчитывалась“ София Шарлотта. – Я бы нисколько не дорожила жизнью, если бы могла ее принести ему в жертву или этим доказать ему мое расположение, и хотя я имею всевозможные поводы опасаться, что он меня не любит – мне кажется, что мое расположение от этого еще увеличивается...»

Ей кажется, что она не только любит, но и любима, как то и подобает молодой жене: «Царевич осыпает меня выражениями своей дружбы. С каждым разом он демонстрирует мне знаки своей любви, так что я вправе сказать, что совсем счастлива».

И позже: «Царевич любит меня страстно, он выходит из себя, если мне недостает хоть малейшей вещи, а я без ума от любви к нему».

Правда, на горизонте уже появляются облачка. «Я совершенно смущена, – пишет кронпринцесса своей матери, – ввиду того что меня ожидает, ибо горе мое идет от человека слишком дорогого, чтобы на него жаловаться...»

Но вот они переезжают в Россию, и в письмах Шарлотты начинают проскальзывать тревожные нотки: «Я никогда не составляла себе слишком выгодного мнения о России и ее жителях, но то, что я увидела, превзошло мои ожидания. Нужно любить царевича, моего супруга, такую полную любовь, какую я к нему питаю, иначе я имела бы много причин содрогаться при мысли о продолжении моего путешествия. Но, находя в царевиче столько и даже больше хороших качеств, чем дурных у народа, я считаю большим счастьем, что буду жить среди людей, которые обладают тем отличным свойством, что глубоко преданы своему государю. Поэтому я люблю русских, ибо нет такого ужасного места на целом свете, куда бы я ни отправилась с удовольствием, сопровождая его. Нужно жить среди русских, чтобы их хорошенько узнать. Для того, чтобы приобрести их расположение, необходимо сделаться русским и по духу, и по нраву, и даже в таком случае это не всегда удастся, ибо если существует народ, так это именно наш. Они в высшей степени корыстны, и если одолжишь их чем-нибудь, то они полагают, что рассчитываешь на их благодарность, и тогда они начинают ненавидеть лицо, которое их облагодетельствовало. Доставив им какое-нибудь удовольствие, вы еще должны относиться к ним с той признательностью, которую могли бы от них ожидать, и благодарить их за то, что они приняли подарок, иначе они очень обидятся. Понятия их очень спутаны, самые ужасные кутежи распространены между ними, во время богослужения и молитвы они ведут себя чрезвычайно легкомысленно, нечистоплотность их доходит до крайних размеров, нет области в Германии, жители которой не были бы образованнее русских, то есть тех из них, которые ничего не видели, кроме своей родины. Одним словом, это очень непривлекательный народ».

И вот, она наконец понимает горькую правду: для Алексея и его отца она только трофей. Царевич часто уезжает из дома, пьянствует, изменяет жене. Вскоре принцесса уже признавалась: «Мое положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить чье-либо вообра-

жение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит еще менее, чем когда-либо...».

А еще два года спустя София Шарлота писала матери: «Если б я не была беременна, то уехала бы в Германию и с удовольствием согласилась бы там питаться только хлебом и водою. Молю Бога, чтоб Он наставил меня своим духом, иначе отчаяние заставит меня совершить что-нибудь ужасное...».

* * *

Что же случилось? Как за такой короткий срок зарождающаяся любовь превратилась в неприязнь, а женщина, еще недавно почитавшая себя «совершенно счастливой», стала писать родным такие отчаянные письма?

Первым испытанием, свалившимся на молодую семью, стало... безденежье. Да-да, Алексею и Софии Шарлотте не хватало наличных средств. По брачному договору Петр обязывался выдавать принцессе на содержание двора ежегодно 50 000 талеров. Но из-за расходов, связанных с войнами, которые вела Россия, царь Петр постоянно нарушал свои обещания, данные в брачном договоре, и молодожены постоянно нуждались.

Еще из Торгау навестивший молодую пару Меншиков писал Петру, что царевич с женой «в деньгах зело великую имеют нужду, понеже здесь живет все на своем коште, а порций и раций им не определено, а что с места здешняго и было, и то самое нужное, только на управление стола их высочеств, также ни у него, ни у кронпринцессы к походу ни лошадей и никакого экипажа нет и построить не на что. И того ради кронпринцесса... о определенных ей деньгах просит: понеже великую имеет нужду на содержание двора своего. Я, видя совершенную у них нужду, понеже Ея Высочество кронпринцесса едва не со слезами о деньгах просила, выдал ее высочеству Ингерманландского полку из вычетных мундирных денег взаем 5000 рублей».

Меншиков привез Алексею приказ его отца отбыть в Померанию, а Шарлотта отправилась дожидаться мужа в Эльблонг (Эльбинг). Денежные проблемы так и не разрешились: с октября 1711 и до начала 1713 г. Шарлотта получила лишь 27 500 талеров, а царский долг невестке составил уже 35 тысяч талеров. 30 мая 1712 г. Г. И. Головкин требовал от Сената «послать немедленно к Ея Высочеству... в Эльбинг на содержание двора Ея Высочества, в зачет определенной суммы 10 000 рублей». Однако Сенат «умедлил» с присылкой денег, и в октябре гофмейстер Шарлотты Мейер сообщал, что денег «по се время еще не прислано, отчего ее Высочеству немалая нужда в содержании двора есть».

Конечно, София Шарлотта считала себя оскорбленной и униженной. Невозможность «содержать двор» так, как это подобало принцессе и жене наследника, угнетала ее, и, вероятно, она с нетерпением ждала возвращения Алексея, который если и не помог бы решить финансовые проблемы (на это Шарлотта уже едва ли надеялась), то хотя бы мог утешить ее и заверить в своей любви, в том, что она не совершила ошибки, подчинившись приказанию родителей и выйдя за него замуж.

Так и не дождавшись ни мужа, ни полагавшихся ей денег, Шарлотта в отчаянии тайком, не сообщая об этом Петру, едет к родителям в Вольфенбюттель, где остается до апреля 1713 г. Видимо, она сама просила деда сообщить своему грозному свекру о ее самовольном приезде. Антон Ульрих пишет Петру, что Шарлотта «очень некстати приехала в Вольфенбюттель», оправдывая поступок внучки недостатком финансирования. В ответ царь писал 11 февраля: «Мы и хотя уже давно к исправному заплачению на содержание помянутой нашей кронпринцессе надлежащих денег потребные указы дали, однако ж может быть, что при нынешних конюктурах и понеже либо в переводе помянутых денег на Москве так скоро случая не сыскали, в том замедление какое учинилось... Между тем, мы ныне на банкира Попа в Гамбурге вексель на двадцать пять тысяч рублей ефимками дали и уповаем, что кронпринцесса ныне

путь свой к Риге и Питербурху воспримет, а мы по ускорению ее пути потребное учреждение в наших землях учинить укажем». И наконец, сам Петр приезжает в Вольфенбюттель в начале марта 1713-го и требует от Шарлотты, чтобы она ехала в Россию.

* * *

Мы уже знаем, какое впечатление произвела на кронпринцессу ее новая родина. Знаем также, что в России ее встретили с недоверием. Но как бы там ни было, а торжественные церемонии были пышными, как то и подобало. Австрийский резидент Плейер отправил на родину описание встречи супруги царевича: «Когда экипаж Шарлотты подъехал к Неве, к берегу подошла новая, красивая шлюпка, обитая красным бархатом и золотыми галунами. На шлюпке находились бояре, которые должны были приветствовать кронпринцессу и перевезти ее на другой берег. На этом берегу стояли министр и другие бояре в одеждах из красного бархата, украшенных золотым шитьем. Не в далеком расстоянии от них царица ожидала свою невестку. Когда Шарлотта приблизилась к ней, она хотела, согласно с этикетом, поцеловать у нея платье, но Екатерина не допустила ее до этого, сама обняла и поцеловала ее, и потом проводила в приготовленный для нее дом. Там она повела Шарлотту в кабинет, украшенный коврами, китайскими изделиями и другими редкостями, где на небольшом столике, покрытом красным бархатом, стояли золотые сосуды, наполненные драгоценными камнями и разными украшениями. Это был подарок на новоселье, приготовленный царем и царицею для их невестки».

* * *

Но вот праздники кончились и начались будни. Алексей и Шарлотта поселились в небольшом мазанковом дворце на набережной Невы длиной всего 14 саженей (30 метров). Придворные кронпринца и кронпринцессы живут здесь же, на набережной, в трех домах, специально нанятых Сенатом. В «доношении» гофкурьера М. Борозны от 8 марта 1714 г. говорилось о необходимости «кровлю починить на квартире Ея Высочества государыни кронпринцессы для того, что в дождевую пору невозможно места сыскать, где бы притулиться, дабы без нужды жить было можно Ея высочеству».

Кроме того, оказалось, что принцессе на ее новой родине рад только Петр. С его сестрой Натальей Шарлотта так и не нашла общего языка и писала на родину, что царевна «самое злое существо на свете».

Трудно было царевне поладить и с новой женой Петра, бывшей прачкой из Лифляндии, которую все величали теперь императрицей Екатериной Алексеевной. «Моя свекровь ко мне такова, как я всегда ее себе представляла, и даже хуже», – писала Шарлотта в апреле 1715-го.

Да и финансовые трудности все не кончались. Петр, при всей его любви к невестке, собирався уменьшить содержание ее и сына, и Шарлотте пришлось просить свою мать сообщить австрийскому императору об этом и просить его выступить гарантом исполнения царем условий брачного договора.

И снова Шарлотта вынуждена занимать деньги, уже в 1713 г. она взяла «на обиход» у иноземца Петра Салуччи «36 аршин штофу богатога серебром, 5 аршин тафты красной, флер белый, кружева белое трафчетое, 5 фунтов сахару, тафту зеленую, красное вино, чай, бархат» и другие товары на сумму 1199 руб. 8 алтын и еще полторы деньги, из которых при жизни успела отдать только 300 руб. Скоро принцесса, по ее собственным словам, уже «по шею в долгах», после ее смерти купцы предъявили Петру векселя на 24 тыс. руб. В одном из писем к царице Шарлотта в отчаянии признавалась, что из-за нехватки средств готова «заложить какую-нибудь драгоценность... к последнему хотя и очень неохотно, мне все же придется прибегнуть, если я ничего не получу».

* * *

Но самое главное, царевич Алексей если и любил когда-нибудь Шарлотту, то теперь он все больше холодел к ней. У него появляется любовница – Ефросинья Федорова, крепостная девка его воспитателя Никифора Вяземского.

По-видимому, царевич искренне привязался к Ефросинье и хотел развестись с женой и жениться на своей любовнице. Вероятно, это желание не казалось ему чем-то диким и невозможным. В конце концов, разве его отец не отправил в монастырь его мать и разве не женился на безродной лифляндке, которая, по слухам, попала в его постель прямо из постели Меншикова? Но, разумеется, для Софии Шарлотты такой поступок выглядел как самое гнусное вероломство. «Один Бог знает, как глубоко меня здесь огорчают, – писала Шарлотта матери 12 июня 1714 г. – Я всегда старалась скрывать характер моего мужа, но теперь личина снята против моей воли... Я не что иное, как бедная жертва моей семьи, не принесшая ей ни малейшей пользы, и я умираю медленной смертью под бременем горя. Бог знает, что будет с моей беременностью...»

Да, принцесса была беременна, и мысль о том, что она, возможно, носит будущего наследника престола, в то время как его отец оскорбляет ее, вероятно, стала для нее особенно мучительна.

Позже, когда царевича судили за заговор против Петра, то его камердинер И. Большой-Афанасьев свидетельствовал на допросе: «Царевич был в гостях, а где сказать – не упомяну, приехал домой под хмелем, ходил к принцессе, а оттуда к себе пришел, взял меня в спальню, стал с сердцем говорить: „Вот де, Гаврила Иванович (Головкин. – Е. П.) с детьми своими жену чертовку мне навязали; как-де, к ней приду, все-де, сердитует и не хочет-де, со мной говорить“».

Несогласие между супругами дошло до того, что царевич стал советовать жене уехать жить в Германию. В итоге сам царевич незадолго до родов жены уехал с любовницей на лечение за границу.

Но вот подходит срок родов. В это время царевич по-прежнему за границей, в Карлсбаде, а Петр – в Ревеле. Оттуда он написал невестке: «Я бы не хотел вас трудить, та-кож против совести моей думать; но отлучения ради супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство необузданных языков, которые обыкли истину превращать в ложь. И понеже уже везде прошел слух о чреватстве вашем вящше года, того ради, когда благоволит Бог вам приспеть к рождению, дабы о том заранее некоторый аншалът учинить, о чем вам донесет г. канцлер граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем ложь любящим уста заграждены были».

«Аншалът» – это, вероятно, немецкое слово *Anhalt*, обозначающее «опора», «основание», «установление факта». В данном случае Петр извещает невестку, что хотел бы иметь официальное документальное подтверждение того, что ребенка не подменили при рождении, чтобы пресечь возможные слухи. (Может быть, в этот момент он вспомнил о том, как слух, что его самого подменили во время путешествия с Великим посольством, едва не стоил ему трона.) Поэтому Головкин получил распоряжение о том, чтобы три придворные дамы, Авдотья Ивановна Ржевская, получившая на Всешутейшем и Всепьянейшем соборе Петра прозвище князь-игуменьи, и жены Головкина и Брюса, присутствовали при родах Шарлотты.

В этом требовании ничего из ряда вон выходящего, такая процедура была принята при дворе французских королей, и этот обычай соблюдался еще в конце XVIII в. Но, конечно, такое недоверие со стороны царя и в его лице всего русского общества не могло не обидеть Шарлотту, которая и так не чувствовала себя желанной на своей новой родине. В итоге принцесса согласилась на «аншалът», но просила Головкина, «чтоб... другим внушил, которых при

ней ныне определены быть, будто ее прошение о том было», то есть будто бы это она сама настояла на присутствии «понятых». Но мало было того, что в последние дни перед родами дамы, приставленные к роженице, безотлучно находились при ней, она еще вынуждена была подвергнуться осмотру. Головкин сообщал царю, что Шарлотта «по многим разговорам» разрешила генеральше Брюс себя «осмотреть через одну сорочку», и Брюс «говорит, что брюхо гораздо велико и ниско опустилось, и признавает, что брюхата».

София Шарлотта родила 21 июля 1714 г. дочь, названную в честь нелюбимой ею сестры Петра Натальей, по желанию царевича Алексея; возможно, тот надеялся таким образом улучшить свои отношения с отцом: ему хорошо было известно, что Петр очень любит свою сестру и та может иметь на него влияние. Он лично написал Петру о рождении дочери и получил в ответ поздравления. Головкин же писал царю, что при рождении «были как игуменья (Ржевская. – Е. П.) и Брюсова и моя жена, также при этом за бабуку была Яна Коха жена».

Царевич вернулся из Германии в конце декабря. Возможно, после долгой отлучки он стал ласковее с женой, во всяком случае, в ее письмах родителям больше не было жалоб на семейные неурядицы. Вскоре Шарлотта поняла, что снова носит ребенка. Слишком короткий промежуток между беременностями не лучшим образом сказался на ее здоровье. В одном из последних писем к матери от 30 сентября она писала: «Я постоянно страдаю, ибо я так полна, что принуждена почти всегда лежать на спине; ходить я не могу, и если мне нужно сделать два шага, то приходится меня поддерживать с обеих сторон, а если я просижу одну минуту, я не знаю, куда деться от боли; можно было бы подумать, что я рожу троих детей, впрочем, у меня хороший аппетит и я не чувствую такой слабости, как в прошлом году».

12 октября 1715 г. на свет появился долгожданный сын, названный в честь деда Петром. Но кронпринцесса скончалась, как и многие женщины XVIII в., не пережив родов. Она скончалась в ночь на 22 октября от родильной горячки. Софию Шарлотту, так и не изменившую своего лютеранского вероисповедания, тем не менее, похоронили в новом Петропавловском соборе. Австрийский посланник писал в Вену: «Ее смерти много содействовали разнообразные огорчения, которым она постоянно подвергалась. Деньги, назначенные на ее содержание, выдавались после долгих хлопот и так скудно, что она никогда не получала более 500 или 600 рублей за раз, так что она постоянно нуждалась и была не в состоянии платить своим придворным. Она и ее придворные задолжали у всех купцов. Она также заметила зависть со стороны царского двора по случаю рождения царевича и знала, что царица тайно старается ей вредить. От всего этого она находилась в постоянном огорчении».

Другой посол передавал слухи, что «когда врачи в последний день ее жизни стали убеждать ее, чтобы она приняла еще новое лекарство, она бросила стакан на пол и сказала: „не мучьте меня так, дайте мне спокойно умереть; я не хочу более жить“».

Такова была судьба иноземной принцессы, первой за долгие годы решившейся (а скорее, вынужденной) приехать в Россию. Судьба очень характерная для XVIII в., когда мужчинам и особенно женщинам приходилось проявлять недюжинную силу духа, если они хотели распоряжаться своей жизнью.

* * *

Нам хорошо известна легенда о ложной смерти Петра III и Александра I. Мы знаем также историю «княжны Таракановой», которая выдавала себя за дочь Елизаветы Петровны, увезенную из России в Персию, а затем во Францию. Легенда о бегстве Софии Шарлотты на родину менее известна в России, так как сама принцесса прожила здесь не более двух лет и была не слишком популярна.

А вот в Европе о бедной Шарлотте помнили и много лет спустя. В 1771 г. в Париже рассказывали о том, что скончавшаяся в преклонном возрасте некая госпожа д'Обан на самом деле

сбежавшая невестка русского царя. Устав от мужа-тирана, она, прикинувшись мертвой, при помощи некоей графини Кенигсмарк смогла покинуть пределы России. «Шарлотта» добралась до Америки, где вышла замуж за капитана д'Обана, а потом в конце жизни приехала в Париж.

А впрочем, скептики не поверили в чудесное спасение Шарлотты. Прусский король Фридрих II писал д'Аламберу 30 ноября 1771-го: «Поверьте, что в России убивать умеют, и если при дворе кого-то отправляют на тот свет, ему уже не воскреснуть». Тем не менее, эта легенда послужила сюжетом для сентиментальной немецкой повести и для оперы, музыку к которой написал герцог Эрнст Саксен-Кобургский.

* * *

Судьба остальных членов семьи Шарлотты также оказалась трагичной – у каждого на свой лад, муж, царевич Алексей, был обвинен своим отцом в измене и умер в казематах Петропавловской крепости, так и не дожив до суда. Одним из главных доказательств его преступления стали показания Ефросиньи Федоровой. В манифесте о лишении царевича Алексея прав на наследование престола, опубликованном в 1718 г., Петр в числе прочих прегрешений царевича указал, что София Шарлотта умерла «хотя и от болезни, однако же не без мнения, что и сокрушение от непорядочного его жития с него много и тому вспомогло».

Рано осиротевшая царевна Наталья, по воспоминаниям иностранных послов, была дурна собой, но добра и кротка. Она в совершенстве говорила на французском и немецком языках, любила чтение и крепко дружила со своим братом, который не только любил, но и почитал ее как старшую сестру и очень ценил ее рассудительность, но Наталья умерла от туберкулеза, не дожив до 14 лет. Ее брату суждено было взойти на русский престол, но процарствовал он также совсем недолго.

Тонкая нить наследования

Устраивая женитьбу сына, Петр задумал жениться на своей подруге – лифляндке Марте Скавронской, которую его армия в числе остальных трофеев захватила при взятии Нарвы. По-видимому, Петра и его Катеринушку (так называл он жену) связывала настоящая и крепкая любовь. Когда они были в разлуке, то обменивались нежными письмами. Марта была неграмотна, и за нее писал секретарь, но это не мешало ей вставлять в свои письма ласковые словечки и игривые намеки, а то и грубые шутки.

Вот Петр пишет Екатерине из Торгау, незадолго перед свадьбой Алексея и Софии Шарлотты: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! – А мы, слава Богу, здоровы, толко с воды брюхо одула, для того так поят, как лошадей; и инова за нами дела здесь нет, толко что сс...ть. Письмо твое я чрез Сафонова получил, которое прочитая гораздо задумался. Пишешь ты, якобы для лекарства, чтоб я нескоро к тебе приехал, а делам знатно сыскала ково-нибудь вытнее меня; пожалуй отпиши: из наших ли или из таруннчан? я болше чаю: из тарунчан, что хочешь отмстить, что я пред двумя леты занял. Так-та вы еввины дочки делаете над стариками! Кнез-папе и четверной лапушъке и протчим отдай поклон».

А через год: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безкушно ж; аднако можешь разсудить, что дела на скуку менять не надобно. Я еще отсель ехать скоро себе к вам не чаю, и ежели лошади твои пришли, то поежай с теми тремя баталионы, которым велено итить в Анклам; толко для Бога бережно поежай и от баталионоф ни на ста сажень не отъ-ежай, ибо неприятелских судоф зело многа в Гафе и непърестано выходят в леса великим числом, а вам тех лесоф миновать нельзя».

Марта Скавронская

Еще через три дня, в явном нетерпении: «Катеринушка, здравствуй! По получении сего письма поешай софсем сюды, также кнезь-папу и протчих возми с собою, а отправит вас Данилович. Благодарствую на присылке пива и пьротчево».

В самом деле, у Петра и Екатерины было принято обмениваться не только письмами, но и подарками.

Вот Петр пишет Екатерине из Берлина: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! Объявляю вам, что я третьево дни приехал сюды и был у кораля, а въчерась он поутру был у меня, а

ввечеру я был у королевы. Посылаю тебе, сколько мог сыскать, устерсоф; а больше сыскать не мог, для того что в Гамбурхе сказывают явился пест (чума. – Е. П.), и для того тотчас заказали (запретили. – Е. П.) всячину оттоль сюды возить. Я сего моменту отъезжаю в Лейпцых». И четырьмя днями позже: «Платье и прочее вам куплено, а устерсоф достать не мог».

Катеринушка же посылала ему то новую одежду, то вина, то огурцов, «клубники, помегранцев и цитронов», то астраханских арбузов, которые он очень любил. В 1719 г. он отправил ей из Ревеля цветок мяты, которую прежде с Петром в Ревеле она сама посадила; а Екатерина отвечала ему: «Мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что из твоих ручек». При любой возможности Петр звал Екатерину к себе, и она ехала к нему, бывало верхом по дурным российским дорогам, часто беременная.

Одну за другой она родила Петру пять дочерей, а потом долгожданного сына, названного Петром. Родители ласково звали его Шишечкой. «Доношу, – писала Екатерина в августе 1718 г., – что за помощью Божиею я с дорогою нашею Шишечкою и со всеми в добром здоровье. Оный дорогой наш Шишечка часто своего дрожайшего папа упоминает, и при помощи Божией в свое состояние происходит и непрестанно веселится мушкетированием солдат и пушечною стрельбою».

А позже намекает: «...в другом своем писании изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными, и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая Шишечка на будущий год поспела!». В самом деле, вслед за маленьким Петром родился еще один сын – Павел. Правда, он умер через день после рождения, но Петр был жив, и именно ему отец хотел оставить трон, разочаровавшись в своем старшем сыне. Опасаясь гнева отца, Алексей бежал за границу. Петр приказал привезти его на родину и начал судебный процесс, обвиняя сына в том, что тот плел против отца заговор вместе с царицей Евдокией. Мы уже знаем, что Алексей умер в застенках Петропавловской крепости. Но бедный Шишечка ненадолго пережил его и скончался в возрасте четырех лет, через год после смерти своего единокровного брата. Теперь в семье Петра больше не было наследников мужского пола. Екатерина родила Петру еще одну дочь – Наталью, но та умерла в 6-летнем возрасте, незадолго до кончины самого Петра. Теперь в царской семье не было прямых наследников мужского пола.

Петр умер в возрасте 53 лет от уремии, не составив завещания.

Правда, за три года до смерти, «в пику» царевичу Алексею, Петр составил «Указ о престолонаследии». Указ отменял древний обычай передавать монарший престол прямым потомкам по мужской линии и предусматривал назначение престолонаследника по воле монарха – «любого честного юноши», которого монарх сочтет достойным короны.

Но смерть Петра была скоропостижной, и он так и не успел выразить свою волю.

* * *

Однако Петр оставил наследие другого рода – решительных людей, считавших для себя возможными любые притязания. И первым из них был, разумеется, Александр Данилович Меншиков – бывший московский мальчик-пирожник, а теперь светлейший князь Ижорский, князь Священной Римской империи, губернатор Санкт-Петербурга, владелец самого большого каменного дома в столице и несметных богатств. Петр знал, что Меншиков корыстолюбив и нечист на руку, но прощал ему все из-за одного качества «светлейшего»: тот был готов исполнить любой приказ царя и исполнял его, не считаясь с затратами, будь то деньги или человеческие жизни. Теперь же, когда царя не стало, Меншиков был готов поработать на себя.

Сразу после смерти Петра Меншиков, опираясь на гвардию и виднейших государственных сановников, в январе 1725 г. возвел на престол жену покойного императора Екатерину I. Бедная «Катеринушка» так и не оправилась после смерти своего «старика» и пьянствовала целыми днями, стараясь вином заглушить свою скорбь.

Возможно, единственным, что еще волновало ее, была судьба дочерей. Две оставшихся в живых принцессы – Анна и Елизавета – были рождены Екатериной еще до брака, но на скромной церемонии венчания они шли за шлейфом матери и теперь считались законнорожденными и достойными супругами европейских монархов.

Анна Петровна

Судьбой старшей дочери Анны успел распорядиться еще сам Петр. Ее супругом стал еще один из «балтийских принцев» – герцог Карл Фридрих Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский. Правда, владения Карла Фридриха, и без того небольшие, существенно уменьшились в 1720 г., когда Швеция заключила с Данией договор, по которому ему пришлось отказаться от большей части своих фамильных владений в пользу датской короны. По сути дела, под властью герцога остался только Киль, который, тем не менее, был важным портом на Балтийском море. Однако Карл Фридрих являлся главным претендентом на шведский трон: после смерти Карла XII в

1718 г. он оказался старшим представителем династии мужского пола. Если бы Карл Фридрих, а с ним и Анна получили шведские короны, то Россия образовала бы мощную военную коалицию и получила полную власть на Балтийском море – сбылась бы главная мечта Петра.

До Анны дошли слухи, что герцог «искал в низших классах наемной любви», поэтому она не была горячей сторонницей этого брака, но будучи послушной дочерью, она готова подчиниться приказу отца. Герцог, в свою очередь, надеялся при помощи Петра I вернуть себе отошедший Дании Шлезвиг. Но Петр умер вскоре после того, как подписали брачный договор. Свадьбу пышно сыграли в Петербурге 21 мая (1 июня) 1725 г., и герцог, к великому неудовольствию Меншикова, остался на родине жены, вошел в Верховный тайный совет и, кажется, собиравшись, воспользовавшись слабостью верховной власти в России и своим родством с царским домом, «немного поуправлять» страной, гораздо более богатой и могущественной, чем его родная Голштиния. Разумеется, Меншиков никак не мог этого стерпеть и путем интриг добился того, что Карл Фридрих и его беременная супруга 25 июля (5 августа) 1727 г. вынуждены были оставить Петербург и уехать в Гольштейн. В Киле Анна родила 10 (21) февраля 1728 г. сына, Петра Ульриха, и скончалась через несколько дней после родов. Позже ее забальзамированное тело привезли в Санкт-Петербург и захоронили в Петропавловском соборе рядом с отцом.

Судьба брака Елизаветы складывалась более причудливо. Петр прочил ее в жены Людовика Орлеанскому, сыну внебрачной дочери короля Людовика XIV. В тот момент, когда велись переговоры, Людовик являлся наследником французского престола, поскольку у нынешнего короля Людовика XV пока не было детей. Но королю еще не исполнилось 20 лет, и у него оставались все шансы обзавестись сыновьями. Однако в любом случае брак с правящей семьей Франции сулил немалые выгоды. Правда, сам жених оказался не в восторге от этого предложения и намекал на сомнительное происхождение невесты. Помолвка расстроилась сама собой после смерти Петра. И тут Карл Фридрих, бывший уже женихом Анны, предложил новую кандидатуру: своего двоюродного брата, Карла Августа Гольштейн-Готторпского.

Карл Август только что стал князем-епископом Любека – крупнейшего портового города на Балтике, со времен Средневековья возглавлявшего торговый ганзейский союз. Князья-епископы были представителями власти императора Священной Римской империи и обладали полной самостоятельностью во внутренних делах. Правда, Любекское епископство – это еще не сам Любек, но зато Карл Август, как и его кузен Карл Фридрих, – претендент на шведский престол. Причем в каком-то смысле шансов у него было больше: он находился в родстве с правящей в то время младшей сестрой покойного короля Ульрикой Элеонорой, и местная знать скорее поддержала бы его. Карла Августа пригласили в Петербург, он понравился Елизавете, но заразился оспой и умер. В итоге шведский трон в 1751 г. унаследовал его младший брат, Адольф Фридрих.

Брак Елизаветы так и не был заключен, и вскоре у нее появились уже совсем другие поводы для волнения: ее мать скончалась в 1727 г., пережив своего мужа всего на два года.

Перед смертью Екатерина по указанию Меншикова составила завещание в пользу Петра Алексеевича. В таком выборе не было ничего удивительного: сын несчастной Софии Шарлотты и царевича Алексея – единственный потомок Петра мужского пола. В законности его рождения не было никаких сомнений. Единственным препятствием для вступления на престол стало его малолетство: в год смерти Екатерины Петру исполнилось всего 11 лет. Впрочем, русская история уже знала случаи, когда на царство венчались малолетние цари, а в глазах Меншикова молодость Петра была скорее преимуществом, чем недостатком: он рассчитывал сохранить верховную власть, будучи опекуном маленького царевича. Поэтому в завещании Екатерина указала, что до совершеннолетия Петра «имеют вести администрацию обе наших цесаревны, герцог и прочие члены Верховного совета, который обще из 9 персон состоять имеет», а Верховный совет, как нам уже известно, был «вотчиной» Меншикова, и тот всегда мог «продать» нужное ему решение.

Свое детство Петр провел фактически в «опале». После смерти отца (царевичу тогда исполнилось 4 года) на него словно легла тень, придворные старались избегать его, образованием будущего монарха никто толком не занимался. Тем не менее, царевич, как когда-то его дед, вырос высоким, сильным и неглупым: Остерман, взявшийся за руководство обучением уже провозглашенного императором Петра, к удивлению своему, обнаружил, что 11-летний мальчик свободно владеет французским, немецким и латинским языками. Как дед, он интересовался военной техникой и уже в малолетстве увлеченно играл с батареей маленьких пушек. Впрочем, какой мальчишка отказался бы от такого развлечения?!

Меншиков понимал, что ему необходимо сохранить влияние на молодого царя, и полагал, что сделать это будет довольно просто: достаточно развлекать и забавлять его, не скупясь на траты. Урокам было отведено всего три часа в день, но в эти три часа Петру предстояло не только под руководством Остермана изучать древнюю и новейшую историю, географию, математику и участвовать в заседаниях Верховного совета, но и учиться танцевать, играть на бильярде и в волан, стрелять по мишеням и слушать музыкальные концерты. И конечно, его тянуло к более лихим, более мужественным развлечениям, прежде всего к любимой забаве московских царей – охоте.

Петр II Алексеевич

В этом юный Петр оказался непохож на своего деда. Петр I охоту не любил. Существовала даже легенда, что он ответил какому-то дворянину, захотевшему развлечь царя и устроившему для него медвежью травлю: «Гоняйте, сколько вам угодно, диких зверей, сие не составляет мне никакой веселости, покамест я вне государства дерзкого моего врага гнать, а внутри одного диких и упорных подданных укрощать имею».

Петр II еще не строил таких амбициозных планов, и, глядя на молодого царя, выезжавшего в поле вместе с охотой, многие думали, что вернулись благословенные времена Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

В охотничьих кавалькадах Петра все чаще стали замечать Елизавету. Веселая и ловкая девушка, отличная наездница, с удовольствием составляла компанию юному племяннику. Они были дружны, и, возможно, Елизавета хотя бы отчасти заменяла Петру умершую Наталью. Вскоре стали поговаривать о готовящемся браке тетки и племянника. Вполне естественно, что

Елизавета, оставшись сиротой и без покровителей, стремилась всеми способами привязать к себе нового царя. Выйди она за него замуж, и ее безопасность была бы обеспечена. Но Меншиков никак не мог этого допустить: Петр был нужен ему самому. Меншиков переселил его в новый дворец на берегу Невы, по соседству с собственным домом петербургского губернатора, и вскоре обручил со своей дочерью Марией. Ему казалось, что он укрепил свое положение и теперь может никого не опасаться.

Но он ошибся. Беда пришла с совершенно неожиданной стороны. Петр сдружился с молодыми московскими дворянами Долгоруковыми – такими же, как и он, страстными охотниками. Возможно, поначалу Меншиков не обратил на это сближение никакого внимания, полагая, что это просто дружба молодых повес, не имевшая никакого политического подтекста. Но Долгоруковы состояли в дальнем родстве с Рюриковичами, и их амбиции простирались далеко. И не успел Меншиков опомниться, как Петр уже переехал в Москву, где охота была гораздо лучше, чем на петербургских болотах, затем «поручил» свою помолвку с Марией Меншиковой и обручился с Екатериной Долгоруковой.

Вот что рассказывает знаменитый русский историк Костомаров о падении Меншикова: «Молодой император был мальчик ленивый, любивший более гулять, играть и ездить на охоту, чем учиться и заниматься делом, и притом чрезвычайно своенравный. Ему исполнилось только 12 лет, а он уже почувствовал, что рожден самодержавным монархом, и при первом представшемся случае показал сознание своего царственного происхождения над самим Меншиковым. Петербургские каменщики поднесли малолетнему государю в подарок 9000 червонцев. Государь отправил эти деньги в подарок своей сестре, великой княжне Наталье, но Меншиков, встретивши идущего с деньгами служителя, взял у него деньги и сказал: „Государь слишком молод и не знает, как употреблять деньги“. Утром на другой день, узнавши от сестры, что она денег не получала, Петр спросил о них придворного, который объявил, что деньги у него взял Меншиков. Государь приказал позвать князя Меншикова и гневно закричал: „Как вы смели помешать моему придворному исполнить мой приказ?“ – „Наша казна истощена, – сказал Меншиков, – государство нуждается, и я намерен дать этим деньгам более полезное назначение; впрочем, если вашему величеству угодно, я не только возвращу эти деньги, но дам вам из своих денег целый миллион“. – „Я император, – сказал Петр, топнув ногой, – надобно мне повиноваться“. Когда после того Меншиков заболел, Остерман сговорился с Долгорукими, отцом и сыном, и внушил им честолюбивое желание устранить Меншикова от государя, разорвать предполагаемый брак с дочерью Меншикова и свести Петра с княжной Долгоруковой. Пользуясь тем, что Петр имел тогда летнее пребывание свое в Петергофе и не видался с Меншиковым, Остерман сблизил Петра с Иваном Долгоруким, заметивши, что молодой государь уже оказывал большое сердечное расположение к этому человеку. Вскоре Остерман довел свое дело до того, что Петр II не иначе ложился спать в Петергофе, как вместе с князем Иваном Долгоруким, а дни проводил с ним и со своей теткой, великой княжной Елисаветой, молодой и веселой 17-летней девицей. Вместо того чтобы, сообразно воле Меншикова, понуждать молодого государя учиться, Остерман потакал его празднوليбию, склонности ко всяким развлечениям и особенно к охоте, на которую молодой государь часто ездил в окрестностях Петергофа. И Долгорукий, и тетка государя Елисавета постоянно вооружали Петра против Меншикова, представляя ему, что Меншиков зазнаётся и не оказывает своему государю должной почтительности. Около государя в числе сверстников был сын Меншикова. Петр, в досаде против его отца, мстил сыну и бил до того, что тот кричал и молил о пощаде. По выздоровлении у Меншикова опять возникли несогласия с государем. Меншиков давал служителю Петра деньги на мелкие расходы государя и требовал от служителя отчета. Узнав, что служитель давал эти деньги в руки государя, Меншиков обругал служителя и прогнал, а государь поднял из-за этого шум и, наперекор Меншикову, принял к себе обратно в службу прогнанного служителя. Через несколько времени государь послал взять у Меншикова 500 червонцев для подарка сестре; тот

дал деньги, а потом, разгорячившись, отнял их у великой княжны. Наконец, в день именин великой княжны государь стал обращаться с Меншиковым презрительно, не отвечал на его вопросы, поворачивался к нему спиной и сказал своим любимцам: „Подождите, вот я его образумлю!“. Меншиков выговорил царю, что он не ласков со своей невестой, а государь сказал: „Я в душе люблю ее, но ласки излишни; Меншиков знает, что я не имею намерений жениться ранее 25 лет“. Меншиков все это перенес. Вскоре после того он приглашал государя к себе на освящение церкви в Ораниенбаум. Петр сначала обещал приехать, а потом сказал, что у него явились дела, не позволяющие ему отлучиться из Петергофа, где двор имел тогда летнее пребывание. Меншиков, не заманивши к себе государя в Ораниенбаум, 7 сентября сам приехал в Петергоф, но Петр не хотел его видеть и уехал на охоту, а сестра его Наталья, чтоб избавиться от неприятности видеться с Меншиковым, выпрыгнула из окна. Тогда Меншиков обратился к тетке государя Елисавете и начал перед ней лукавить: он распространялся о своих прежних заслугах, жаловался на неблагодарность государя и говорил, что теперь ему при дворе нечего делать, что он хочет уехать на Украину и начальствовать там над войском. Вечером в тот же день государь послал собственноручно им подписанное предписание Верховному тайному совету перевезти из дома Меншикова все его вещи в Петергофский дворец и сделать распоряжение, чтобы казенные деньги никому не выдавались без указа, подписанного самим государем. „Я покажу, – кричал Петр, – кто из нас император – я или Меншиков!“

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.